

I. БЛИЖНИЙ ВОСТОКЪ. *)

(Изъ поѣздки въ Святую Землю, Египеть и Грецію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній гор. Саратова).

Гробъ Господень, это—единственный гробъ, который не дастъ своего мертвеца въ день всеобщаго воскресенія! Состояніе души пришедшаго на поклоненіе животному Гробу—блаженнѣйшее: попеременно въ душу его проникаютъ—то чувство благоговѣйнаго страха, то тихой радости и благодаренія Господу. И сколько бы разъ кто ни приходилъ къ этой животворной святыни, всегда благодатное чувство умиленія наполняетъ душу молящагося, какъ воспѣваетъ церковь: *вкусите и видите, яко благъ Господь*. Какъ сладостно, припавъ къ Гробу, молиться мытаревыми словами: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*

Вѣяніе Божественной благодати въ пещерѣ Святого Гроба приводитъ человека въ особенное любвеобильное состояніе: онъ бываетъ готовъ на всякое исполненіе заповѣдей и повелѣній Господа своего, готовъ отказаться отъ всѣхъ земныхъ пристрастій и любимыхъ привычекъ, готовъ не обинуясь сказать: „Господи! согрѣшилъ я много, прости мнѣ, прошу Твоей благодатной помощи, дабы отсель начать жизнь новую, Тебѣ угодную“!

5. Голгова и другія святія мѣста, находящіяся въ храмѣ Воскресенія Господня.

Когда мы всѣ приложились къ Гробу Господню и сгруппировались около кувукліи, явилась греческій іеромонахъ въ фелони и эпитрахили съ крестомъ въ рукахъ, іеродіаконъ съ святымъ евангеліемъ и пѣвчіе греки. Запѣли по гречески тропари и пѣснопѣнія, относящіяся къ тѣмъ святымъ мѣстамъ, которыя мы посѣтили съ крестнымъ ходомъ. Немного отошелъ отъ кувукліи крестный ходъ и остановился. Было прочитано евангеліе о погребеніи Господа и о томъ, что жены муроносицы смотрѣли, гдѣ Его полагали. Мы остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Богоматерь и другія жены муроносицы и смотрѣли на приготовленіе тѣла Спасителя къ погребенію; стояли въ сторонѣ, такъ какъ по ветхозавѣтному обычаю женщинамъ не позволялось присутствовать при погребеніи. Здѣсь изображенъ мраморный кругъ на полу: онъ огражденъ желѣзнымъ рѣшетчатымъ колпакомъ и освѣщается сверху лампадою. На этомъ мѣстѣ стояла Пресвятая Дѣва Богоматерь, когда, по святіи съ креста Пречистаго Тѣла Сына Ея и Бога, помазывали его муромъ и благовонными мастями и обвивали плащаницею. Благоговѣйно мы поклонились мѣсту, освѣщенному стопами Приснодѣвы Богоматери и съ любовію облобыза-

ли слѣды ногъ ея. Лютую бользнь сердца Ея при погребеніи Пречистаго Тѣла Исусова и при разставаніи съ Нимъ кто избобразить? Святая церковь отъ лица Божественной Страдалицы въ такихъ трогательныхъ пѣснопѣніяхъ выражаетъ безмѣрную скорбь Ея: *„Глаголаше браконейскуная къ благообразному: потицися, Иосифе, къ Пилату приступи и испроси сняти съ древа Учителя твоего“*.

„Видѣвъ пречистую горць слѣзязицу, Иосифъ смутися и плачяся приступи къ Пилату: даждь ми, вопія съ плачемъ, тѣло Бога моего“.

„Болзнь и скорби и воздызанія обрѣтоша мя: увы мнѣ, Чистая горць рыдающа глаголаше, видящи тя чадо мое возлюбленное нага и уединена, и воями помазана мертвеца“.

„Дивлюся зряци Тя, преблагій Боже и прещедрый Господи, безъ славы, и безъ дызанія, и безобразна; и плачюся держащи Тя, яко не надѣяхся, увы мнѣ, видѣти Тя, Сыне Мой и Боже“.

„Не изглаголаше рабъ твоей слова, Слове Божій; не ущедриши ми, Владыко, тебѣ рождшую, глаголаше Чистая, рыдающа и плачуща, облобызаящи тѣло Господа своего“.

„Гдѣ, Сыне Мой и Боже, благовѣщеніе древнее, еже ми Гавріилъ глаголаше? Царя тѣ, сына и Бога Вышняго нарицаше, нынѣ же вижеу Тя, свѣте мой сладкій, нага и уязвена мертвеца“.

„Странную вижеу и преславную тайну, Дѣва вопіюще Сыну и Господу: како въ худомъ гробѣ полагаешися, мертвѣя повелѣніемъ возставляяй во гробѣхъ“.

„Ни отъ гроба Твоего возстану, чадо мое, ни слезы точащи престану раба Твоя, дондеже и Азъ сиду во адъ: не могу бо терпѣти разлученія Твоего, Сыне мой“.

„Радость мнѣ никоимъже отсель прикоснется, рыдающа глаголаше Непорочная: свѣтъ мой и радость Моя во гробѣ зайде; но не оставлю Его одинаго, здѣ же умру и спогребуся Ему“.

„О како утаилася Тебѣ есть бездна щедротъ, Матери втайнѣ изрече Господь: тварь бо мою хотя спасти, изволихъ умерети и воскресну, и Тебѣ возвеличу, яко Богъ небесе и земли“.

И всякому вѣрующему прилично пролить сердечныя слезы на мѣстѣ, освященномъ горькимъ рыданіемъ Дѣвы Богоматери. Всякій истинный христіанинъ будетъ прибѣгать въ своихъ скорбяхъ подъ Матерній покровъ Богородицы. Она, Пресвятая,—скорбныхъ утѣшеніе, безнадежныхъ надежда.

Отсюда мы направили свой путь на западную часть храма Воскресенія, гдѣ показываютъ гробъ Іосифа и Никодима, приснопамятныхъ учениковъ Господа Исуса. Гробы ихъ изсѣчены въ природной скалѣ; такъ какъ они находятся не далеко отъ Гроба Господня, то прежде, вѣроятно находились въ одной цѣльной скалѣ, раздѣленной послѣ, при постройкѣ храма. Къ сѣверу отъ кувукліи, шагахъ въ 20-ти, находится мѣсто, обо-

*) Продолженіе, см. № 13 „Сар. Дух. Вѣст.“

значенное мраморнымъ кругомъ, надъ которымъ горять неугасимыя лампы. Здѣсь явился Господь, по Воскресеніи, Маріи Магдалинѣ, какъ объ этомъ повѣствуется въ святомъ Евангеліи: *Марія стояла у гроба и плакала, и когда плакала наклонилась во гробъ и видитъ двухъ ангеловъ, въ блѣдомъ одѣяніи сидящихъ, одного у главы и другого у ногъ, гдѣ лежало тѣло Іисуса. И они говорятъ ей: жена! чѣмъ ты плачешь? Говоритъ имъ: унесли Господа моего, и не знаю, гдѣ положили Его; сказавши сіе, обратилась назадъ и увидѣла Іисуса стоящаго: но не узнала, что это Іисусъ. Іисусъ говоритъ ей: жена! что ты плачешь? Кого ищешь? Она, думая, что это садовникъ, говоритъ Ему: господинъ! если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его. Іисусъ говоритъ ей: Марія! Она обратившись говоритъ ему: Раввуні! что знъ чти: учитель. Іисусъ говоритъ ей: не прикасайся ко мнѣ, ибо Я еще не восшелъ къ Отцу Моему, а иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ: восхожу къ Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему. Марія Магдалина идетъ и возвѣщаетъ ученикамъ, что видѣла Господа, и что Онъ это ей сказалъ. (Ев. Іоан. 20, 11—18).*

Недалеко отсюда, на мѣстѣ бывшаго вертограда Іосифова, находится католическій храмъ, въ которомъ хранится за рѣшоткой часть каменнаго столба, къ которому Іисусъ Христосъ былъ привязываемъ въ темницѣ во время мученій Его; здѣсь же, будто бы, былъ изъ трехъ обрѣтенныхъ царицею Еленою, крестовъ,—крестъ Христовъ. Слѣдя далѣе, мы приходимъ въ греческій придѣлъ св. Логгина Сотника, увѣровавшаго во время смерти Богочеловѣка при видѣ дивныхъ знаменій. Сотникъ и тѣ, которые съ нимъ стерегли Іисуса, видя землетрясеніе и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину онъ былъ сынъ Божій (ев. Матѣ. 27, 54). Преданіе говоритъ, что придѣлъ этотъ устроенъ на мѣстѣ обрѣтенія слѣпюю женщиною св. Логгина Сотника, пострадавшаго за Христа, при чемъ слѣпая получила прозрѣніе. Въ этомъ же придѣлѣ находится часть камня отъ Голгоѣы. Отсюда приходимъ въ придѣлъ раздѣленія воинами ризъ Господнихъ. *Распещи же Его раздѣлиша ризы Его, метаяще жребій о нихъ, кто что возьметъ.* (Ев. Марк. 15, 24). Противъ Голгоѣы, въ 60-ти шагахъ отъ нея, находится за рѣшоткою камень, именуемый „узы Спасителя“ съ изсѣченными въ немъ двумя отверстіями, въ которыя были заключены пресвятыя ноги Спасителя во время мученій Его въ преторіи, откуда перенесенъ этотъ камень.

Въ 10-ти шагахъ отъ этого мѣста, въ углу-бленіи находится придѣлъ, посвященный Богоматери. Въ бывшей тутъ пещерѣ Божественнаго Страдальца стерегли воины во время приготовления на Голгоѣѣ орудій для Его казни, а когда повели Его на вольное страданіе и распятіе,

здѣсь оставалась скорбящая Его Матерь съ святыми женами и съ этого мѣста смотрѣла, какъ мучители немилосердно пригвождали ко кресту неповиннаго Агнца, сладчайшаго Ея Сына и Господа.

Кто измѣритъ бездну скорбей, объявшихъ тогда чистѣйшую душу Непорочной Агницы, всепѣтой Приснодѣвы Богоотроковицы? Тогда сбылось на ней прореченіе праведнаго Симеона: лютое оружіе пронзило Ея сердце. Никто такъ не любилъ и не могъ любить Господа, какъ любила Она, Пресвятая, неискусомужно Родившая Его; чѣмъ пламеннѣе была Ея любовь, тѣмъ люте были Ея страданія при видѣ беззаконнаго осужденія Неповиннаго, Святая церковь отъ лица Ея изображаетъ тяжкія страданія Ея и болѣзненный плачъ въ такихъ умилительно-трогательныхъ словахъ: *„Вижу Тя нынѣ, возлюбленное Мое чадо, на крестѣ висяща, и уязвляюся горѣцъ сердцемъ“.*

„Нынѣ моего чаянія, радости и веселія, сына Моего и Господа, лишена быхъ: увы мнѣ! болѣзную сердцемъ“.

„Увы мнѣ, Чадо, болѣзни избѣгши въ рождество Твоемъ, нынѣ болѣзненно терзаюся“.

„О страшномъ Твоемъ Рождествѣ и странномъ, Сыне мой, паче всякъ матерей возвеличена быхъ азъ: но увы мнѣ! Нынѣ Тя видящи на деревѣ, распялюся утробою“.

„Се Свѣтъ Мой сладкій, Богъ угасе на крестѣ“.

„Оружіе сердце Мое пройде, о Сыне, не терпящи висима на деревѣ Тя зрѣти“.

„Безгрѣшный Сынъ! Како несправедно на крестѣ, яко же злодѣй, пригвожденъ еси“.

„Увы мнѣ, Сладчайшій Сыне, уязвляюся душою, на крестѣ зрящи Тя пригвожденна посредь двою злодѣю судомъ злодѣйственнымъ“.

„Сладкое мое Чадо! Гдѣ Твоя заиде доброта святоносная? Увы мнѣ! гдѣ доброта Твоя заиде, Сладчайшій, гдѣ благолѣпіе, гдѣ благодать сілющая образа Твоего, Сыне Мой любезнѣйшій?“

„Днесъ зрящи Тя непорочная Дѣва, на крестѣ слове возвышаема рыдающею матернею утробою, уязвляешеса сердцемъ горѣцъ, и стѣнящи болѣзненно изъ глубины души, лице со власы терзающе. Тѣмъ же и перси біюще, взываше жалостно: увы мнѣ, Божественное чадо! Увы мнѣ, Свѣте міра! Что зашелъ еси отъ очю моею, агнице Божій“.

Подъ Голгоѣскою церковью находится придѣлъ во имя Крестителя Господня Іоанна. За престоломъ, сквозь желѣзную рѣшотку, при свѣтѣ неугасимо теплящейся лампы, видно продолженіе той пещеры, которая весьма ясно различается на Голгоѣѣ. Здѣсь, по общему на Востоку преданію, погребена глава праотца нашего Адама. Гдѣ было начало смерти, тамъ послѣдовало и начало жизни: *якоже бо о Адамѣ вси умирають, такожде и о Христѣ вси оживють* (Коринѣ. 15, 22); поэтому и мѣсто это называет-

ся краниевымъ, или лобнымъ. Съ древнихъ временъ въ обычай вошло, въ воспоминаніе этого преданія, изображать подъ крестомъ черепъ головы Адамовой. Въ притворѣ этого придѣла, по преданію, погребенъ Мелхиседекъ, царь Салимскій.

Наконецъ по мраморной лѣстницѣ мы поднимаемся на святую гору Голгоу. *„И взяли Иисуса и повели и, неся крестъ свой, Онъ вышелъ на мѣсто, называемое лобное, по еврейски Голгоа; тамъ распяли Его и съ нимъ двухъ другихъ по ту и по другую сторону, а посреди Іисуса.“* (Ев. Іоан. 19, 16—18).

Всякій вѣрующій при видѣ Голговы невольно переносится ко времени страданій Спасителя міра. Голгофа была въ то время мѣстомъ казни преступниковъ, которыхъ приводили сюда и предавали распятію, считавшемуся тогда самою позорною смертію. Въ одномъ изъ утесовъ Голговы было углубленіе въ видѣ пещеры; тамъ стерегли преступниковъ, приводимыхъ на распятіе, пока готовяли все нужное для совершенія надъ ними казни; въ эту пещеру посаженъ былъ и Божественный Страдалецъ. Вблизи Голговы была площадь, на которой собирался народъ смотрѣть на казнь преступниковъ; съ западной стороны примыкали сады, въ числѣ которыхъ и упоминаемый въ евангельскомъ повѣствованіи вертоградъ, принадлежавшій Іосифу Аримаѣйскому. Возлѣ скалы Голговской была лощина, куда бросали тѣла и кресты распинаемыхъ; туда былъ брошенъ и Крестъ Господень; чтобы навѣки скрыть это сокровище, враги Креста засыпали его камнями и землею и на этомъ мѣстѣ построили храмъ языческой богини; но по милости Господа, по прошествіи болѣе 300 лѣтъ послѣ Рождества Христова Крестъ Христовъ обрѣтенъ былъ благочестивою царицею Еленою.

Голгоа въ переводѣ означаетъ краниево, или „лобное мѣсто“; такъ она называлась, по мнѣнію однихъ, по сходству ея, вслѣдствіе круглой формы, съ головнымъ черепомъ, а по мнѣнію другихъ, названіе свое получила она отъ множества находившихся на ней череповъ казенныхъ преступниковъ. Голгоа была мѣстомъ позорнымъ, удѣломъ злодѣевъ. На это-то мѣсто призведенъ былъ Единородный Сынъ Божій распинателями своими. Безгрѣшный отъ незаконнаго соборища на смерть осуждается! Неприкосновенный держится руками дышущихъ убійствомъ! Безстрастный терпитъ добровольное страданіе, чтобы насъ освободить отъ страстей!

Во время Своихъ крестныхъ страданій, съ Креста Господь произнесъ семь словъ. Произнесенныя Спасителемъ міра семь словъ на крестѣ были какъ бы послѣднимъ предсмертнымъ Его завѣщаніемъ. Божественныя слова эти выше всякаго человѣческаго слова; но припадемъ къ Его неизрѣченному снисхожденію, чтобы хотя отчасти уразумѣть великое значеніе ихъ.

Первое слово Богочеловѣка съ Креста было слово любви къ врагамъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдать бо что творять*, взывалъ Онъ къ Отцу небесному. Вотъ высокій урокъ незлобія—моленіе о распинателяхъ своихъ, вотъ новая заповѣдь о любви къ врагамъ. Святая церковь изображаетъ это въ такихъ словахъ: *„Днесь Владыка твари предстоитъ Пилату, и кресту предается Зиждитель всѣхъ, яко агнецъ приводимъ своею волею, гвоздьми пригвозждается, и въ ребра прободается, и губою напяется манну одождивый, по ланитамъ зачищаемъ Избавитель міра, отъ своихъ рабъ поругается Создатель всѣхъ. О владычняго человеколюбія! о распинающаго моляща Отца своего, глаголя: „Отче, остави имъ грѣхъ сей, не вѣдаютъ бо беззаконнии, что неправедное содѣваютъ“.*

На молитву благоразумнаго разбойника помануть его въ царствіи Своемъ, Божественный Страдалецъ сказалъ ему: *Аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будешь въ раи.* О великое милосердіе Божіе къ кающимся грѣшникамъ! Предсмертное покаяніе разбойника да послужитъ намъ спасительнымъ назиданіемъ! Чась смертный нервѣлокъ застаетъ насъ внезапно; не будемъ отчаяваться въ милосердіи Божіемъ, принимающемъ насъ и при самомъ концѣ нашей жизни. *„Распятому Тебѣ, Христе, вся тварь видящи трепещаете, основанія земли колебашуся страхомъ державы Твоея, свѣтила скрываются и церковная раздрася завѣса, горы вострепеташа и каменіе разсѣдѣся, и разбойникъ вѣрный зоветъ съ нами, Спасе, еже помани во царствіи Твоемъ“.*

Потомъ Страждущій Спаситель міра, обративъ взоръ на Пречистую Матерь Свою, сказалъ Ей, перенеся взоръ свой на ученика: *жене, се сынъ твой*; а Іоанну: *се мати твоя.* Слова эти могутъ относиться не къ одному возлюбленному ученику, но къ всему міру; въ лицѣ этого ученика, благодатно усыновленнаго Дѣвѣ Богоматери, всѣ мы сдѣлались чадами Ея, получили въ Ней великую Ходатайницу у Престола Божія. Страданія Спасителя міра болѣе и болѣе увеличивались. Мать Его взялъ ученикъ къ себѣ. Божественный Страдалецъ лишился и этого послѣдняго утѣшенія видѣть возлѣ себя близкихъ своихъ. Онъ остался одинъ, чаша страданій Его переполнилась; взявъ на Себя грѣхи всего міра, Онъ почувствовалъ всю тяжесть ихъ. Если виновный и въ одномъ грѣхѣ испытываетъ мученія совѣсти, то что же чувствовалъ взявшій на себя грѣхи всего человѣчества? Душевные Его страданія, прискорбныя даже до смерти, соединившись съ тѣлесными, составили—крестъ настолькоъ тяжелый, что изобразить этого невозможно никакими словами. Распятіе на крестѣ—смерть самая мучительнѣйшая. При неестественномъ положеніи тѣла съ распростертыми вверхъ и пригвожденными руками, всякое движеніе производило нестерпимую боль; тяжесть тѣла болѣе и болѣе раздирала язвы рукъ, кровь прилиwała къ сердцу, производила томленіе, мучительнѣй-

дуть судимы наравнѣ съ кричавшими: „распни, распни Его“ Страждущій Искупитель, лишенный утѣшенія видѣтъ около Себя Мать Свою и возлюбленнаго ученика, удалившихся отъ креста, наконецъ, по чловѣчеству, оставленъ былъ и Отцемъ Своимъ Небеснымъ, какъ Сынъ Божій, *сынъ въ лоно Отчи сіянія славы Его*. Богъ истинный, Слово Живое, Превѣчное, Премудрость, Освященіе, Сила, Путь истинный, Жизнь, Свѣтъ міру, Царь славы, Онъ вѣчно съ Отцемъ; но какъ Сынъ чловѣческій, взявшій на Себя грѣхи всего чловѣчества, Онъ сталъ какъ бы виновнымъ предъ правосудіемъ Божиимъ въ грѣхахъ всѣхъ людей, по чловѣчеству какъ бы отринутъ былъ Отцемъ небеснымъ, какъ тяжкій грѣшникъ, который долженъ понести наказаніе за безчисленныя беззаконія всего міра. Взятое Имъ на Себя бремя грѣховъ всего чловѣчества закрыло для Него небо. Правосудіе Божественное въ лицѣ Его какъ бы карало все чловѣчество за грѣхи его, а Онъ, какъ Искупитель, принявшій на Себя все, за все долженъ былъ выстрадать, долженъ былъ испить чашу страданій до дна.

Въ такомъ неизобразимомъ томленіи Онъ сказалъ: *Жажду!* Это было послѣднее Его слово къ чловѣчеству. Въ этомъ словѣ выражалась не одна тѣлесная жажда, но болѣе жажда спасенія неблагодарнаго чловѣчества. Затѣмъ наступило молчаніе, умолилъ Сынъ чловѣческій, но заговорило небо: *было же около шестаго часа дня, и сдѣлалась тьма по всей землѣ до часа девятаго; и померкло солнце, и завѣса въ храмъ раздралась по срединѣ* (ев. Луки 23, 44, 45) (завѣса была около 2-хъ вершковъ толщины и 30 футовъ длины).

Событія эти были возвѣщены ветхозавѣтными пророками: *зайдетъ солнце въ полудне, и померкнетъ на землѣ въ день седмъ* (Амосъ 8, 9).

Это было начало гнѣва Божія за смерть Праведника, кара небесная за Богоубійство. Святая церковь, вспоминая объ этомъ, зываетъ: „*Вся твердь измѣняшеся страхомъ, зряще тя на крестѣ висима Христе: солнце омрачашеся, и землію основанія сотрясахуся, вся состражедаху создашему вся*“. Помрачившая воздухъ тьма какъ-бы изображала духовную тьму, которою ослѣплены были беззаконные іудеи, осудившіе Неповиннаго, предавшіе на смерть Начальника жизни, изъ зависти поднявшіе руки на Благодѣтеля своего. Такъ, по словамъ церковной пѣсни, Господь говоритъ іудеямъ: „*людіе мои, что сотворишъ вамъ? или чимъ вамъ стужихъ? слыцы ваши просвѣтишъ, прокаженніи очистихъ, мужа, сица на одръ, возстаеихъ. Людіе мои, что сотворишъ вамъ и что Ми воздасте? за манну жеельхъ, за воду оцетъ, за еже любити Ми ко кресту Мя пригвоздите. Ктому не терпимо прочее, призову Моя языки, и тѣи мя прославятъ со Отцемъ, Духомъ: и азъ имъ дарую животъ вѣчный*“.

Давно ли народъ, видѣвшій великія дѣла Божіи—воскрешеніе Лазаря и многія другія знаменія всемогущества и любви Сына Божія, при вѣтствоваль Его при вѣздѣ въ Іерусалимъ торжественными восклицаніями: „Осанна! благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ“; и вотъ тотъ же народъ, ничѣмъ не оскорбленный, съ ожесточеніемъ зываетъ къ Пилату: „возьми, возьми, распни Его, отпусти намъ Варраву разбойника!“ Какая гнусная неблагодарность, унижающая чловѣчество! Видѣтъ такую звѣрскую злобу въ людяхъ, за спасеніе которыхъ Страждущій Искупитель полагаля жизнь Свою, несомнѣнно было для Него сугубымъ крестомъ.

Христосъ пострадалъ ради всѣхъ насъ; тѣ изъ насъ, которые, вмѣсто благодарности, оскорбляютъ Его грѣхами своими, вторично распинаютъ Его; въ день всеобщаго Его суда они бу-

дутъ судимы наравнѣ съ кричавшими: „распни, распни Его“ Страждущій Искупитель, лишенный утѣшенія видѣтъ около Себя Мать Свою и возлюбленнаго ученика, удалившихся отъ креста, наконецъ, по чловѣчеству, оставленъ былъ и Отцемъ Своимъ Небеснымъ, какъ Сынъ Божій, *сынъ въ лоно Отчи сіянія славы Его*. Богъ истинный, Слово Живое, Превѣчное, Премудрость, Освященіе, Сила, Путь истинный, Жизнь, Свѣтъ міру, Царь славы, Онъ вѣчно съ Отцемъ; но какъ Сынъ чловѣческій, взявшій на Себя грѣхи всего чловѣчества, Онъ сталъ какъ бы виновнымъ предъ правосудіемъ Божиимъ въ грѣхахъ всѣхъ людей, по чловѣчеству какъ бы отринутъ былъ Отцемъ небеснымъ, какъ тяжкій грѣшникъ, который долженъ понести наказаніе за безчисленныя беззаконія всего міра. Взятое Имъ на Себя бремя грѣховъ всего чловѣчества закрыло для Него небо. Правосудіе Божественное въ лицѣ Его какъ бы карало все чловѣчество за грѣхи его, а Онъ, какъ Искупитель, принявшій на Себя все, за все долженъ былъ выстрадать, долженъ былъ испить чашу страданій до дна.

(До слѣдующ. №-ра).

IV.

Изъ жизни духовенства 4-го благочинническаго округа Саратовскаго уѣзда.

Въ послѣдніе годы изъ усть и пера людей враждебно настроенныхъ къ церкви весьма часто раздавались и раздаются сужденія о духовенствѣ, какъ непригодномъ ни для какой дѣятельности и, даже, о бесполезности его существованія. Насколько ошибочны такіе сужденія показываетъ сама жизнь и дѣятельность многихъ работниковъ на нивѣ Го-подней. Для примѣра здѣсь приводится жизнь современнаго намъ крестноспца—священника села Доросеевки М. Ѳ. Тихомирова, жизнь и дѣятельность котораго были достойно освѣщены и преданы гласности вслѣдствіе тридцатипятилѣтняго юбилея его, который праздновался 11 ноября 1910 года. По окончаніи образованія юбиляръ приближился къ тому рубежу, когда усмотрѣнію представляется нѣсколько путей для жизнедѣятельности. Будучи строго христіански воспитаннымъ подъ сѣнію церкви, онъ избираетъ себѣ путь апостольскій, поступаетъ учителемъ миссіонеромъ въ раскольническое село Сивенькіе Саратовскаго уѣзда. Около трехъ лѣтъ усердно потрудившись здѣсь среди враговъ православія Михаилъ Θεодоровичъ замѣчаетъ въ себѣ притокъ новыхъ силъ, и ищетъ болѣе обширнаго поля дѣятельности и скоръ становится на тернистый путь пастырства. Немного послѣ живъ священникомъ въ селѣ Евлашевѣ Михаилъ Θεодоровичъ перешелъ на настоящее мѣсто. Неприглядная картина открылась о Михаилу при его ветупленіи въ Доросеевку: богослуженіе отправлялось въ малой ветхой церкви, въ приходѣ было много раскола, школь не было, прихожане были грубы, но, надѣясь на помощь Божію, новый пастыръ